

«Что за чушь? Словно я вырастил щенка, а его поманили пальцем, и он прибежал хвастаться, что теперь они с тем типом — лучшие друзья на свете. Мерзость».

— Сукуна, плохой пес! — пробурчал он под нос.

Тихий, едва различимый шепот, однако тот, кто стоял сзади, расслышал его отчетливо.

Силуэт юноши казался хрупким на фоне зимнего пейзажа, а редкие хлопья снега лишь подчеркивали его худобу. Сукуна озадаченно смотрел на упрямо молчащую спину.

«Жить надоело?»

С чего вдруг эта злость? Неужели укусил слишком сильно?

Да брось, парню явно понравилось. Дышал так сладко, точно ласковый котенок, а когда клыки вонзились глубже, его пальцы сами собой вцепились в собственные волосы, крупно дрожа.

В конце концов, никто его не ел — так, забрал немного силы да выпил пару глотков крови. Не впервой же. И из-за чего тут дуться?

Король проклятий еще немного поразмышлял, но, так и не найдя ответа, привычно решил, что его вины тут точно нет.

Значит, дело в самом Харе.

«Какая морока», — подумал Сукуна, но тут же решил, что порой можно и уступить капризам мальчишки. Все-таки ужин удался на славу, да и сам процесс принес немало удовольствия.

Проявив небывалое великодушие, Сукуна простил обидное слово и потянул Харе за рукав кимоно.

— Повернись, малец.

Харе упрямо вырвал ткань из его пальцев, даже не пошевелившись.

Он раздраженно прищурился. Обходить мальчишку гордость не позволяла, так что Король проклятий остался стоять на месте, сверля взглядом его затылок и ожидая, когда тот соизволит обернуться.

Напряжение росло, воздух словно застыл. Харе, порядком озябнув, поднялся на ноги — пора было спускаться в деревню.

Проклятие уничтожено, его сила полностью поглощена, а значит, зараженные жители скоро придут в себя. Оставалось лишь надеяться, что у Наои хватило ума не перерезать всех до его прихода.

Харе сделал шаг. Босые ступни коснулись палой листвы, припорошенной тонким слоем снега. Но не успел он твердо встать на землю, как чья-то сильная ладонь мертвой хваткой вцепилась ему в талию, и парень спиной вплотную прижался к широкой груди.

— Решил просто уйти и сделать вид, что меня здесь нет?

Хриплый, ленивый голос не выражал явной угрозы, однако поднявшийся вокруг них вихрь чудовищной проклятой энергии не оставлял сомнений: Король проклятий в ярости.

Харе попытался высвободиться и проглотить его обратно, пока Сукуна не натворил бед, но пальцы на его плечах сжались сильнее, лишая малейшей возможности пошевелиться.

«То "повернись", то уйти не дает», — мысленно выругался Харе. Разгадать мотивы этого чудовища было решительно невозможно. Бежать бесполезно, дергаться тоже. К счастью, бушующая вокруг проклятая аура надежно скрывала их от посторонних глаз. Харе просто замер, упрямо скрестив руки на груди. На его бледном лице застыла маска ледяного безразличия.

— Еще секунда молчания, и я перекушу тебе горло прямо здесь, — прошептал Сукуна, склонившись к самому уху. Его горячее дыхание опалило чувствительную кожу на затылке Харе. — А потом исцелю. И перекушу снова. Будем повторять, пока ты хорошенько не усвоишь, чем грозит мое игнорирование. Либо... просто признайся, какая муха тебя укусила.

— Тебе так интересно?

Сукуна на мгновение лишился дара речи.

Вовсе нет. Просто бесило, что его не замечают.

Раздраженно цыкнув, он отстранился и процедил сквозь зубы:

— Я разве разрешал тебе задавать вопросы?

Стоило Харе уловить злость в его интонациях, как на душе у него потеплело. Он тихонько фыркнул, потер живот и выдал первое попавшееся оправдание:

— Наверное, я просто голоден. Буквально умираю с голоду.

— Ты проклятие. Не сдохнешь, даже если перестанешь жрать вовсе.

— Ах да, точно, — почувствовав, что хватка ослабла, Харе обернулся и с любопытством воззрился на Сукуну. — Кстати, о еде. Получается, ты сам не ел целую тысячу лет?

Вот же живучий гад! Тысячелетняя голодовка — это вам не шутки.

В глазах парня промелькнуло невольное уважение.

Сукуна, однако, покачал головой:

— Напротив. Я только что пообедал. Дважды. И это было чертовски вкусно.

— Что? — Харе удивленно захлопал ресницами, явно не улавливая сути.

Сукуне пришлось снизить до объяснений:

— Первый раз — в моей Врождённой территории, второй — пару минут назад.

— Чего?! — до Харе наконец дошел смысл сказанного, и его так и подбросило от изумления.

Он долго молчал, переваривая услышанное и вспоминая недавнее поведение Сукуны. Наконец не выдержал:

— И ты... всегда так питаешься?

Терпение Короля проклятий подходило к концу. Он недовольно цыкнул:

— Скажем так, мне еще не попадались такие, как ты. Твоя сила отлично усваивается, насыщает и при этом приносит... немало удовольствия.

— То есть я первый? — в чистом голосе Харе прорезались радостные нотки. Он словно вильнул невидимым хвостиком.

Сукуна посмотрел на него сверху вниз, в очередной раз убеждаясь, что проклятия, воспитанные людьми — существа крайне странные. Секунду назад дулся, а теперь сияет как начищенный грош.

Впрочем, его улыбка Сукуне определенно нравилась. Он коротко усмехнулся, лениво кривя губы:

— Стал бы я мараться о всякий мусор. Мой желудок не помойка.

Выглядел он при этом невыносимо заносчиво — и чертовски привлекательно.

— Ха-ха! — Харе окончательно повеселел. Он поправил свои лохмотья, упер руки в бока и победно воскликнул: — Я наконец-то придумал, как тебе отомстить!

Он с силой хлопнул себя ладонью по груди:

— Я запру тебя в своем теле навечно! Сделаю из него нерушимую клетку для безумного зверя вроде тебя. Будешь плохо себя вести — оставлю на голодном пайке!

Сукуна лишь скептически приподнял бровь.

«Месть? За какие грехи?»

— Я что, вырезал всю твою семейку? — лениво предположил он.

Улыбка сползла с лица Харе. Парень промолчал.

Раз не спорит, неужели угадал?

Сукуна скрестил руки на груди и хищно, безумно оскалился:

— Что ж, попробуй, малец. Если кишка не тонка. Но если у тебя ничего не выйдет... я вскрою тебе вены. Залью твоей кровью всю эту поляну, а потом заставлю тебя смотреть, как я слизываю ее с твоей кожи до последней капли. И медленно поглощаю тебя целиком.

Харе онемел.

Он опустил голову, о чем-то размышляя, а затем выдал:

— Ты хоть понимаешь, как пошло это звучит?

— Чего? — древнее чудовище эпохи Хэйан искренне опешило.

В его времена это называлось обычным запугиванием врага перед боем. Какая еще пошлость?

— Давно хотел спросить: почему ни в одном свитке не написали, что легендарный Король

проклятий — ходячая порнография? Начиная от рожи и тела и заканчивая голосом и всеми этими речами!

Любая, даже самая безобидная фраза в исполнении Сукуны превращалась в какую-то грязную похабщину.

— Ты вообще в курсе, что такое категория «для взрослых»? Это когда...

— Харе?

Договорить он не успел — из темноты неподалеку донесся голос Наои. Парень вздрогнул, дико озираясь, словно напуганный кот. Он судорожно вцепился в алую цепь, связывающую его с Сукуной, и зашептал:

— Быстро обратно!

Нельзя, чтобы его кто-то увидел!

Едва прозвучал приказ, как алые звенья слабо засветились. Силы этой вспышки не хватало, чтобы затянуть Сукуну обратно силой, но малец явно учился управлять связывающими их узами.

Сукуна скользнул взглядом по мерцающей цепи, затем посмотрел на взбудораженного юношу и негромко рассмеялся.

«Значит, держит меня за дремучего старика?»

— Чего смешного? Быстрее...

Харе отчаянно нервничал. Сукуна небрежным жестом перехватил его за подбородок, заставив умолкнуть, и властно, глубоко поцеловал, бесцеремонно сминая губы и дразня языком.

В ушах зашумело. Когда он наконец отпустил тяжело дышащего парня, на его губах играла издевательская ухмылка.

— Вот теперь действительно «для взрослых», верно? — прошептал Король проклятий и растаял в воздухе.

Харе коснулся влажных губ.

«Твою мать... Это было слишком горячо».

Хруст сухих веток под ногами становился все отчетливее, а вместе с ним приближался и голос Наои:

— Надо же, выжил. Какая жалость. А я ведь уже собирался тебя спасать. Думал, после такого удара от тебя мокрого места не останется. Что ж, поздравляю с успешным завершением миссии, убожество...

Молодой господин клана Дзэнъин, как всегда, не упускал возможности поупражняться в ядовитом остроумии. Лениво покачивая бумажным фонарем, одолженным у кого-то из деревенских, он вышел на поляну. Заметив одинокую фигуру Харе, Наоя подозрительно прищурился и огляделся по сторонам — ему определенно показалось, что мгновение назад здесь звучал чужой голос.

— Ого, а чего физиономия такая красная? — Он заглянул Харе в лицо, а затем снова обвел взглядом темные заросли. — И с кем это ты тут шептался?

Харе, чье сердце все еще бешено колотилось в груди, заставил себя выдать максимально равнодушный тон:

— Наоя, ты слишком много болтаешь.

Тот, искренне считавший, что проявляет невиданную заботу, обиженно скривил губы:

— Беру свои слова назад. Все-таки я тебя придушу.

— Ого, неужто великий клан Дзэнъин опустился до роли цепных псов при старейшинах?

Над их головами внезапно раздался звонкий, насмешливый голос. Оба парня синхронно вскинули головы.

В слабом свете фонаря сквозь пелену снегопада бесшумно скользнула высокая фигура. Незнакомец с кошачьей грацией опустился на толстую ветку старой сосны. Невероятно длинные ноги и копна белоснежных волос не оставляли сомнений в том, кто именно решил почтить их своим присутствием.

У Харе отлегло от сердца.

«Папа!»

— Годжо-кун? — Наоя опешил. Он явно не ожидал увидеть его здесь так скоро. А уж эта издевательская ухмылка на лице сильнейшего шамана... Дзэнъину показалось, что он где-то такое уже видел.

— Господин Годжо! — Харе с трудом подавил желание с разбегу повиснуть у отца на шее. — Вы тоже получили задание в этих краях?

— Вовсе нет, — Сатору прыгнул на землю и покрутил в руках мобильник. — Аки сказал, что тебя отправили сюда, и почуял неладное. Мы сразу сорвались на поиски. И надо же, едва пришли, а тут такие откровения!

— Хм... — Наоя неловко отвел взгляд.

В этот момент из темноты показался еще один силуэт с фонарем в руках. В колеблющемся пламени свечи его глаза казались узкими, почти лисьими.

Пришелец смерил Наоя тяжелым, настороженным взглядом, но стоило ему повернуться к Харе, как выражение его лица мгновенно смягчилось.

— Харе, ты в порядке?

— Господин Гето! — радостно отозвался парень.

Наоя почувствовал, как у него начинает дергаться глаз. Потрясающе. На ровном месте нажил себе двух влиятельных врагов, один из которых — без пяти минут глава великого Поместья клана Годжо.

— Раз уж вы здесь, я, пожалуй, пойду, — буркнул Наоя и поспешил ретироваться, пока атмосфера окончательно не накалилась.

Сугуру накинул на плечи Харе принесенное теплое пальто и, переведя взгляд вниз, нахмурился:

— Почему ты босиком? На улице мороз.

Совсем о себе не заботится.

<http://bllate.org/book/19043/1959672>